

Глава 1

Пламя факела то затухало, то разгоралось снова. Тот, кто нес его, уверенной поступью шагал по коридорам темницы. Темница находилась на самом дне Глубинной Расщелины. Вездесущая Энергия здесь находилась в такой ничтожной концентрации, что было трудно сделать даже легкое заклинание. Так что надзиратель вынужден был пользоваться таким примитивным источником света, как факел.

Он дошел до конца коридора и оказался напротив массивной черной металлической двери с множеством вкрученных в нее болтов. На ней висели перекрещенные цепи с навесным замком. В любой другой точке вселенной эти меры показались бы смешными даже для Бессмертного Лорда, а для Завершенного Небесного Лорда, каковым являлся надзиратель, это были детские игрушки. Но те, кто находились в этой конкретной темнице, были лишены Энергии и их сила была ограничена.

Только надзиратель мог смести эту дверь одним движением, как паутину. Но Энергия, потраченная здесь, могла быть восстановлена только снаружи. Поэтому он воткнул мерцающий факел в специальный держатель на стене и достал черный ключ, чтобы открыть замок, удерживающий цепи. Затем последовательно выкрутил все болты. Вынув последний болт, он перевел дыхание, вытащил факел из держателя и с усилием открыл дверь. Заскрипел ржавый металл.

Вид, который открылся зрителю, хотя и был немного более ошеломляющим, чем в других камерах, был для него не нов. На дальней стене, закованный в кандалы и распятый в руническом круге, находился человек. Его единственным одеянием были черные рваные кальсоны. Виднелась бледная кожа. Он был не только закован в металл по рукам и ногам, но цепи также сковывали его торс и бедра для большей надежности. Само по себе это не было таким уж шокирующим зрелищем. Но на цепях было еще около двадцати крюков, которые цеплялись прямо к телу человека, прокалывая его основные мышцы, чтобы он не двигался. Раны от крюков не кровили, и это, само по себе, доказывало необходимость их наличия. Неясно было, доставляли ли человеку страдание эти оковы, цепи и крючки: его голова была наклонена, грива густых черных волос скрывала его черты.

Эта, по всей видимости, ужасная, пытка была необходимостью, ибо этим человеком был Эбон Дердж, известный убийца. Очень немногие добирались до уровня Небесных Лордов за счет физической силы. Это было очень тяжело, но Эбон Дердж был одним из тех немногих, известных своей чрезвычайной мощью и способностью к восстановлению. В то время, как большинство убийц использовали хитрость и уловки, Эбон Дердж был знаменит смелыми схватками. Иногда он в одиночку уничтожал целые группировки, чтобы добраться до своей цели.

Его последней авантюрой, приведшей его сюда, было покушение на жизнь Бога Императора Северного Света. Сам Император нисколько не пострадал, но несколько охранных бригад и других людей из свиты — а все это были Небесные Лорды — встретили свою смерть в этой схватке. Понадобилось участие самого Императора, чтобы схватить этого хищника в человеческом облики.

Зритель видел в этом заключенном именно дикого хищника в человеческой шкуре, наподобие вознесшихся демонов. Хотя было ясно, что Эбон Дердж имеет человеческое происхождение. Когда зритель вошел в камеру, то заметил, что голова узника приподнялась. Теперь между прядями черных волос можно было увидеть покрасневший глаз, и

взгляд, ненавидевший все, чего касался. Этот взгляд был устремлен на него. Поборов внезапный страх, зритель заговорил со своим подопечным.

“Держ, я все о том же”, начал он усталым и скучным голосом. “Расскажи, кто послал тебя и все это может кончиться прямо сейчас”.

Каждый месяц зритель приходил сюда и говорил эти слова. Это продолжалось уже двести лет, с тех пор, как поймали Эбона Держа, но он так ничего и не рассказал. У зрителя было убеждение, что каждый человек обязательно расколется в какой-то момент. Но лет сто назад у него уже были сомнения насчет этого конкретного случая.

Два века — не такой большой срок для Небесного Лорда, но два века в Глубинной Тюрьме — это рекорд. Немногие могли продержаться здесь больше десятка лет. Здесь не было ничего — ни света, ни надежды, ни грамма магической силы. И все же, этот человек как-то держался.

Но сейчас, заключенный впервые изменил свое обычное поведение: он отреагировал. Реакцией было скрипучее хихиканье, смех, как будто бы доносившийся прямо из ада.

Надзиратель поймал себя на желании отойти подальше. Это было что-то новенькое. Но хорошо ли это, или плохо? Он немного подождал, пока смехок затихнет, прежде чем сказать что-то в ответ на такое беспрецедентное поведение. Не зная, какую линию поведения выбрать, он решил попробовать удовлетворить свое любопытство.

“Это тебя твои условия содержания так рассмешили, Держ?” — поинтересовался он.

Переведя дыхание, Эбон Держ дал свой первый словесный ответ за два столетия: “О, нет, мой дорогой надсмотрщик”, сказал он, голос его затрещал и заскрежетал так, как будто два камня терлись друг о друга. “Я восторгаюсь вашей... изысканной обстановкой. Просто я бы хотел знать, к чему это все. И, к тому же, наверное, я подустал от этой игры”.

Надзиратель нахмурился. Было бы просто чудесно, прекрасно, если бы заключенный заговорил и открылся следствию. Но его тон давал знать о другом.

“Мы просто хотим знать, кто стоит за этим покушением на Императора. Ты в нем — всего лишь инструмент, мы можем отпустить тебя, ты сохранишь свою жизнь. Мы больше заинтересованы в заказчике”.

Цепи, держащие узника, звякнули, потому что тот снова начал смеяться. Надзиратель снова подождал, пока он закончит.

“А если бы я сказал, что никто за этим не стоит, что я сам это сделал по личным причинам?”

Надзиратель вздохнул. “Ну тогда, конечно, нам бы было интересно, что это за причины такие.”

“А, конечно. Может просто чтобы узнать, смогу ли я?”

Надзиратель фыркнул. “Это действительно лучшее, что ты мог придумать? Сколько бы тебе не заплатили, с собой в могилу не унесешь, понимаешь?”

В камере повисла тишина, стало слышно легкое движение прохладного воздуха по помещению.

Эбон Держ приподнял голову, отбросив черные волосы назад. Стало видно его изуродованное временем лицо, на котором выделялись красные глаза и злая ухмылка.

“А ты — действительно лучший из тех, кого они могли прислать сюда? То есть, ты приходишь сюда в тысячу четырехсотый раз и даже не можешь пройти до середины этой клетки, и не выглядишь так, как будто ты сейчас обмочишься от страха? И все, что ты делаешь — это спрашиваешь одно и то же дерьмо каждый раз, как приходишь. Да как вообще такой слабак смог развиться до такого уровня? Ты, наверное, просто всегда по углам прятался?”

Удивление, которое было вызвано тем, что Дердж заговорил, сменилось тем, первым ощущением животного страха. Оно наполнило тело надзирателя, смотревшего в эти красные глаза, которые ненавидели все вокруг так сильно, и на этот перекошенный рот, изрыгавший оскорбления.

“Что, маленький, дрожишь от страха? Я всего лишь слабое тело на стене, да, я не такой симпатичный, как те, с кем, говорят, ты привык встречаться. Скажи мне, тюремщик, ты только с женщинами это делаешь, или и с мальчиками забавляешься тоже? А, я просто слишком уродливый, да?”

Убийца продолжал, а огонь ярости внутри у надзирателя разгорелся настолько сильно, что, сам того не осознавая, он замахнулся одной рукой в которой сконцентрировалась вся его злость и внутренняя сила, и ударил это бледное создание, прикованное к стене. Кровавое облако выступило из из многочисленных ран-трещинок на коже Эбона Дерджа.

Надзиратель стоял с вытянутой рукой, и, когда пелена ярости спала, он желал только одного — чтобы этого удара не было. Заключение откашлялся кровью и усмехнулся, косясь на него.

“Беру свои слова назад”, признал он слабым голосом, “Ты, все же, неплохой парень. Но вот что: я правда надеюсь, что тебе за это ничего не будет, но я не совсем в том положении, чтобы на что-то повлиять”.

И затем случилась вещь, которой надзиратель больше всего боялся: в районе груди узника материализовалась пространственно-временная дыра и мгновенно засосала тело, бьющееся в конвульсиях. Только облако кровавого тумана осталось в камере.

В любом другом месте королевства, где пространство было более стабильным и прочным, даже удар Императора не смог бы запустить пространственное искажение. Но здесь, в Расщелине, законы физики были слабее, включая те, что удерживали пространство вместе.

В спешке выронив факел, надзиратель отбежал от места действия. Эта дыра могла засосать не только ослабленного заключенного без магической силы, но и его самого.

В итоге разлом оказался сферой диаметром около двух метров, но и этого было бы более, чем достаточно. Когда пространство нормализовалось и пространственно-временная дыра исчезла, вместе с ней исчез и узник. Живой ли, мертвый ли, но в камере он отсутствовал. Надзиратель сделал несколько вдохов, чтобы успокоиться, обнаружил факел, который валялся в луже крови. Это все, что осталось от знаменитого преступника, Эбона Дерджа.

Надзиратель не знал, хорошо ли было, что он выжил, или плохо. На время смерть преступника можно было скрыть — никто не знал, что смотритель заходил, он был в одиночестве — но рано, или поздно, все должно было раскрыться.

Причиной продолжительного заключения Эбона Дерджа был интерес Императора. Он хотел знать, кто заказал убийство. Теперь он остался без ответа, и даже тело не могло быть предоставлено. Некоторые недоверчивые субъекты из Имперского суда вполне могли заподозрить надзирателя в пособничестве преступнику.

Так что, на какое-то время, он решил ничего не говорить. Эбон Дердж был уже легендой, возможно, со временем он мог бы придумать какое-то оправдание, возможно, даже, найти тело для захоронения.

Надзирателю бы не пришло такое в голову, если бы он видел, что часть души Эбона Дерджа была затянута в разлом в сохранном виде. Но для того, чтобы это увидеть, недостаточно было способностей простого тюремного надзирателя.

А, тем временем, в пропасти между королевствами, была готова родиться новая легенда, собранная из остатков души преступника.

<http://tl.rulate.ru/book/15163/448166>